

САНДЗАРУ*

МАРИЯ ШАНИРОВА
Родилась в Москве
в 1998 году. По образованию
журналист. Бакалавриат
окончила в МГУП имени Ивана
Федорова, а магистерскую

программу «Современная
медиапублицистика» — в РГГУ.
Пять лет работала редак-
тором в СМИ. Участница
курса BAND «Нак писать
прозу. Искусство истории».

«Пожалуйста, выходя из вагона, открывайте глаза».

Равнодушный мужской голос разбивает гитарное соло в наушниках «кики», и Лев послушно открывает глаза. Он бы и так их открыл, все-таки не дурак, чтобы переходить с одной станции метро на другую с закрытыми глазами, а за соло обидно: плейлист встал на паузу. На фоне еще слышно помехи: система оповещений метрополитена не может подключиться к его «кике» тихо. Колючие шумы шкочут барабанные перепонки, и Лев чувствует себя не в толпе, вяло текущей через пересадочный узел, а в космосе без связи с Землей.

Эскалатор забит наглухо, даже слева не пробежать вниз. Никто сейчас и не бегают — не дикари какие. Смирно стоят, закрыв глаза. Открывают их, когда шаг нужно сделать. Лев очень этим доволен — когда люди делают все правильно, ему это доставляет удовольствие. Переход на зеленый сигнал светофора, ожидание, когда все выйдут из вагона, вежливый молчаливый заказ кофе через телефон с мгновенной оплатой — все это не нарушает чужого пространства и не отвлекает.

* Сандзару — устойчивая композиция из трех обезьяньих фигур, закрывающих лапами глаза, уши и рот. Грубо говоря, «если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нем, то я защищен от него». Мидзару — «не вижу». Кикадзару — «не слышу». Ивадзару — «не говорю».

Если не открывать глаза, то может показаться, что во всем мире ты один. И в этом нет ничего ужасного — одиночество означает, что некому тебя задеть.

На Льва, например, никто не тарачится из-за высокого роста и ярко-красных волос. Подростком он сильно сутулился и носил кепки, хотя все равно ловил на себе взгляды то ли осуждения, то ли праздного интереса. Не угадаешь ведь, что кроется за безразличным взглядом незнакомца — может, он просто смотрит на экран за твоей спиной, а не волосы разглядывает. Но это ошибка, и ее понимаешь до конца, когда за тебя цепляются пьяницы в последнем ночном вагоне.

Сейчас люди просто не смотрят. Точнее, смотрят, но в свои «ми». Они есть буквально у всех — Лев еще помнит время, когда только самые обеспеченные могли купить прорывную новинку японской компании «Сандзару», а теперь странно увидеть кого-то без них. Только если разрядились, голубоватое сияние линзы пропадает с радужки, и можно увидеть настоящий цвет глаз человека.

Перед выходом со станции Лев останавливается, проверяя свой чемодан на колесиках, — засевшая в голове параноя требует подергать замок, прощупать те места, где выступают углы ноутбука, и попросить судьбу не убить технику

в багажном отделении самолета. Подняв взгляд, Лев натывается на старый плакат, который, видимо, слишком хорошо приклеили к мраморной стене вестибюля лет шесть назад. Углы все загнуты, серы и держатся на каком-то неубиваемом скотче.

«Использование шумоподавляющих наушников, а также линз и очков дополненной реальности в метрополитене запрещено». Нарисованные человечки в маленьких комиксах падают с платформы, застревают в дверях и забывают вещи в вагонах, демонстрируя все минусы современной техники.

Бесполезная штука – объявления на стенах. Никто же на них не смотрит. И голос из динамиков никто не слушает. Но эти технологи в «Сандзару» не были так глупы и позаботились о безопасности пользователей. И заодно получили возможность заработать на экспорте устройств. Городским службам ведь нужно вмешиваться в миллионы серийалов, плейлистов и звонков, чтобы напомнить о конечных станциях, закрытых ветках и дорожных работах.

Если спросить Льва про «Сандзару», он расскажет всю историю этой японской компании. Лев, если можно так сказать, технофил, но в одной конкретной отрасли. Повернут на технике «Сандзару» так, что стал самым цитируемым экспертом.

Повернут настолько, что сами «Сандзару» пригласили его на презентацию своего третьего устройства, которое, по слухам, снова перевернет мир.

– Да какие новые технологии, когда рельсы нормально укладывать не научились. – Закуривая на автобусной остановке, Лев привычно закрывает глаза.

Вместо темноты на обратной стороне век высвечивается последнее просмотренное расписание автобусов и объявление о закрытии участка железной дороги на ремонт. Перескакивая взглядом с одной строчки на другую, Лев закрывает окна и открывает табло аэропорта. Его рейс на месте – хотя бы здесь ничего не изменилось.

«Автобус, следующий по маршруту 851, прибывает к остановке». Голос девушки, объявляющий автобусы, гораздо теплее. Будто бы снаружи даже записанные для «кики» уведомления звучат теплее, чем подземные механические реплики.

Лев открывает глаза и выбрасывает в урну окуроч. С трудом затаскив чемодан в автобус и примостившись в углу, он достает телефон, чтобы оплатить проезд. Кажется, телефоны сей-

час только для этого нужны – для оплаты. И для звонков. Лев не помнит, когда последний раз заряжал свой.

«Пожалуй, лучше снять и “кику”, и “ми”, чтобы не разрядились в самолете». Рассчитав время перелета, Лев решает не рисковать. От волнения он не верит в то, что уснет. Убирая устройства в контейнеры для подзарядки, он оказывается единственным человеком в автобусе, уставившимся в окно. Кроме водителя, пожалуй, – тот смотрит прямо на дорогу.

Лев замечает, что в автобусе появилось что-то новое. Он сам не может понять, что именно: он давно не ездил на чем-то, кроме метро и городского такси. Автобусы – это что-то из детства, когда рвешься к сиденью у окна, лишь бы не скучать всю поездку, сидя у прохода. В окне было все: люди на пешеходных переходах, парки, другие машины, марки которых он пытался запомнить, чтобы похвастаться одноклассникам. В окне можно было увидеть новые магазины, чьи вывески учили читать слова «продукты» и «хозтовары».

Случится ли с ним это чувство снова?

Лев ждет, когда автобус съедет с кольцевой дороги, закрученной бесконечной линией отбойника, чтобы увидеть пейзаж за пределами трассы. Это похоже на ожидание встречи со старым другом: как сильно он изменился, стал ли выше, а может быть, превратился в совершенно другого человека? Разглядывая через отражение других пассажиров, Лев не видит ни у кого такой же заинтересованности в происходящем снаружи. У них глаза под веками двигаются как у спящих, которые не понимают, где реальность.

Дым.

Взгляд Льва фокусируется на уходящем в небо дымовом штопоре, когда автобус сворачивает с кольца в сторону аэропорта. Ближе к горизонту этих штопоров становится все больше. Они пружинят от земли к тяжелым облакам, закрывающим полуденное солнце, и кажутся скорее дождем, который выбрал лишь несколько мест, где пролиться.

Но это определенно дым. Он внушает страх, даже если знаешь, что тебя он не коснется. Противоестественным кажется запах чистой обивки кресел, смешанный с прохладным воздухом из кондиционера. Лев уверен, что если сейчас выйти на обочину, то можно задохнуться от жара.

Огонь кривыми линиями лениво пожирает сухую траву у сгоревшего дома. Строение будто сильным

ударом проломило внутрь, а уже потом вылизало пламенем. Почерневшее бетонное основание покусано разрушением.

Автобус катится дальше, будто ему не мешает дым. Лев не верит своим глазам и на миг опускает веки. Нет, это не «ми». Это действительно происходит, а он ничего не знает. Пожары? Или ураганы? Что происходит в нескольких километрах от города, на который вылупили взгляд миллионы камер?

Телефон не отвечает ему на вопрос, рассказывая владельцу лишь то, что он и так знает: весь мир готовится к презентации «Сандзару».

– Мужик! Эй!

Единственный, к кому Лев еще может обратиться, – это водитель, спокойно ведущий автобус мимо разрушенных домов. Бросив свой чемодан и цепляясь пальцами за кресла, Лев пробирается к первой двери и опирается на поручни.

– Куда ты нас везешь?!

Водитель вздрагивает и удивленно смотрит в ответ через зеркала заднего вида, искривляющие фигуру высокого Льва. За рулем сидит низкий полный человек лет пятидесяти. Видно, что водит давно, как влитой смотрится на своем месте. Но никаких личных вещей, какие водятся за теми, кто уже давно ходит по одному маршруту, вокруг нет.

– Как куда? В аэропорт же. Ты что, автобусы перепутал? Тебе твоя «кика» не сказала, куда соваться?

Если бы не растерянность в голосе, водитель звучал бы равнодушно. Будто бы он едет по самой обычной центральной улице, а не по пригородному шоссе, окруженному дымом.

– Это дорога в аэропорт? А дым? А... – Лев пытается подобрать слова, неловко размахивая рукой с телефоном. Второй рукой он дергает себя за волосы на затылке, пытаясь успокоиться. – Почему нет пожарных или СМИ... Где люди?! Что вообще здесь происходит?!

Его голос – единственный звук, кроме гула мотора в автобусе. Стерильное пространство снова наталкивает Льва на мысль о космическом корабле без связи.

– Что ты так орешь, а? Пожаров никогда не видел? Не обращай внимания, вон, иди нацепи свои «ми», «хми», «шми», что там еще есть, и не обращай внимания. Это только сегодня.

Лев не понимает. Как «пожар»? Когда в его детстве леса горели, там солнце превращалось в белый диск. И люди в респираторах ходили. И из каждого утюга звенело, сколько сегодня сгорело,

сколько осталось, какие деревни исчезли... А сейчас – тишина.

Вакуум.

– А почему никто не?..

– Так ведь как это... Неважно. Пожары тут часто – дома не починили с прошлого лета, понакидали вагонки и сена, чтобы до лета дожить, а тут на тебе – жара.

– Как это – с прошлого лета?.. Что ты несешь, мужик?!

– А кто знает? Это уже не поджоги, торфяники и болота сами горят, никакой человек не нужен. Даже рейсы отменяли, автобусы не ходили. Уже привычное дело. Как-то и забылось, почему...

Лев начинает вспоминать. Да, он когда-то тоже беспокоился, что на границе города что-то происходит, но никто не мог сказать, что именно. То взлетали на воздух заправки, то горели склады промышленные. Этому так и не дали имени, поэтому со временем пропало из Сети. Там же потом была презентация «ми», все совсем с ума посходили, какие там неизвестные поджигатели.

– Но... Неужели это происходило до сих пор?

И дома ведь не поджигали...

Лев садится на ступеньку возле водителя, пытаясь понять, как можно не заметить горящий пригород. Должно же было быть видно из окон высоток, с вышек, с самолетов, в конце концов. Для него это просто первый полет в жизни, он никогда дальше городской черты не выезжал. Но другие-то ездят постоянно.

– Сколько тут ездю, ага. Просто все уже как-то смирились. В город перебираться стали, там ничего, тихо. Напялил «кику» и уже ничего не слышишь. А чтобы глаза не мозолило – «ми». Везде же так.

И правда. Наверное. Лев не справляется со своими мыслями. Ему когда надо, он докапывается до сути. Он знает, что «Сандзару» готовятся презентовать «убийцу телефонов», хотя нигде об этом не писалось. Знает, что больше всего покупателей у компании не в родной Японии, а за рубежом. Он даже подозревает, что скоро компания будет продавать свои акции, завершив работу с третьим продуктом.

Да, к сути он рвался, как сорняк к свету через бетон. Но поджоги возле города, видимо, ничем таким не были.

– Поэтому поезда отменили?

– Ага. Огонь слишком близко к станциям подошел.

Безучастие водителя превращает автобус в сцену для дурацкой постановки. Лев бредет назад как актер, забывший текст, но не желающий просто так скрыться за кулисой. Он разглядывает пассажиров, утонувших в своих делах под веками. Они знали? Или тоже едут впервые и просто не узнают, что творится за окном?

Автобус вкатывается в крытый автовокзал аэропорта. Навес скрывает затянутое смогом и облаками небо, и кажется, будто снова настал обычный день. Мужской голос авиагавани не звучит в «ми», приглашая Льва на максимально свободную стойку. Этот же голос не ведет его сквозь досмотр и паспортный контроль, как остальных людей вокруг, успевающих залипать с закрытыми глазами даже в очереди.

Лев думает, что сможет рассмотреть пожары в иллюминаторе, но самолет быстро погружается в облака, набрав высоту. Над облаками царит ослепительно голубое небо, такого правильного цвета, что скоро начинает резать в глазах.

Или же он просто не привык так долго смотреть на небо?

В воздухе время течет медленно, но сутки сменяются быстро. Лев не может заставить себя достать из сумки хотя бы телефон, чтобы полистать разговорник. Он просит плед и укрывается от навязчивого света, пытаясь побороть навязчивые мысли и навязать им сон.

Получается что-то смазанное, все время прерываемое болью в шее и разговорами на задних креслах. Беспокойные мысли рисуют горящий самолет, горящий аэропорт, горящий трап... И пустые лица экипажа.

Токио больше походит на сон. Утро в аэропорту удушающе влажное: кажется, чтоходишь в облако воды, а не в туман, повисший перед терминалом. На выдаче багажа Лев отстраненно следит за кучкой чемоданов по конвейеру. Тело устало от нервов и готово сдать. У него есть примерно два часа на сон в такси до бизнес-центра «Сандзару», хотя вряд ли там случится чудо в виде спокойной дремы.

– 0-0-0...

Лев слышит за спиной тихий вздох и перешептывание. Малоизвестный язык на такой низкой громкости ему не дается, зато он видит, как две девушки в масках тыкают в него пальцем и косятся на красные волосы. Знакомое чувство дискомфорта внимания поднимается откуда-то изнутри, заряжая тревогу по максимуму за короткое время.

Быстрее схватив чемодан, Лев проходит все коридоры со скоростью человека, который не хочет ни с кем пересечься взглядом. Даже незнакомый аэропорт ему в этом не помеха: голос переводчика в наспех надетой «кике» подсказывает, куда свернуть, в точности до метра.

Представитель «Сандзару» ловит его сразу после зеленого коридора. Невысокий парень с нелепой табличкой «Lev Topolev», мешая языки, приглашает его пройти на парковку, куда скоро подъедет их такси от фирмы.

– Чуть-чуть ждать надо, мистер Рев... – Парень, назвавшийся Микаку, старательно пытается выговорить фамилию или имя, но всякий раз теряет «л».

Лев отстраненно смотрит на пассажиров, набивающихся в автобус возле парковки. Что-то в этом действе не дает ему покоя: то и дело кто-то оборачивается, чтобы взглянуть на высокого иностранца с яркими волосами и рассказать об этом соседу.

Когда он последний раз видел так много глаз? – У вас запрещено использовать «кику» и «ми»? – спрашивает он у Микаку, который тоже украдкой глазееет на красные волосы, но не подает виду.

– Запрещено? Не-е-ет, что вы, мистер Рев... Не надо. Почти не продаются здесь. – Микаку улыбается и пожимает плечами.

Еще один человек, который считает обыденностью новый для Льва мир. Он же подготовился к этой поездке: изучил все, вплоть до базовых фраз.

Такси увозит их из аэропорта и пронесит по шоссе до въезда в город. Утренний туман сменяется кучевыми облаками. В пригороде низким домам нет дела до небес, но чем ближе они к центру, тем больше крыш пытаются добраться до небосвода. Чаше окна заменяют огромные баннеры или экраны с рекламой. От иероглифов рябит в глазах.

Нигде нет знакомого написания «Сандзару».

Когда люди высыпаются на перекрестки, кажется, будто кто-то перевернул корзину с изюмом. Каждый движется по своей траектории, не сталкиваясь на пути. Они быстро закатываются под мигающие вывески и исчезают. Все предвкушение от знакомства с городом тонет в непонятной зависти, причину которой Лев не может понять.

Бизнес-центр компании не отличается ничем. Такси останавливается у самого обычного входа, возле которого не толпится группа журналистов

и не стоят камеры. Лев не верит, что именно здесь будет презентовать прорывной продукт.

– Мы не ошиблись адресом? – с подозрением интересуется он у спутника.

– Все правирно. – Микаку с сомнением смотрит в ответ, будто размышляя об умственной отсталости гостя. – Ваш вещи доставят в отерь.

Проходите в конференц-хорр, мистер Рев.

Лев не знает, что думать, пока бредет по коридору следом за одной из сотрудниц, молча показывающей ему дорогу. Другие работники здания оглядываются на него, а он смотрит в ответ с наименьшим удивлением. Почему они так спокойно продолжают работать, когда в их здании вот-вот разорвется технологическая бомба?

Весь мир, независимо от границ, стал безразличным? К пожарам и к переменам.

В конференц-зале он видит от силы десять человек, рассеявшихся на разных рядах. У всех в ушах «ми», а у половины закрыты глаза. Лев садится на свободный ряд с краю. Он тянется за ноутбуком, но вспоминает, что оставил его в чемодане. Холодный пот выступает по всему телу, пока он включает телефон и подключает к интернету.

«Что может случиться еще?» – стучит в мыслях загнанным пульсом. В них пожар разгорается прямо здесь, в конференц-зале, прямо на его ряду. И пока сотрудники в панике достают огнетушители, Лев сгорает вместе с другими людьми, безразлично закрывшими глаза.

– ...В ряду наших устройств долгожданная новинка! – Механический перевод в «кике» отгоняет сон, и Лев понимает, что презентация уже началась.

Основатель компании стоит на маленькой сцене и держит в руке что-то настолько маленькое или тонкое, что его невозможно увидеть, не поднявшись на один уровень со спикером.

– К «КикаДзару» и «МиДзару» присоединяется технология передачи невербальной информации «ИваДзару». Теперь, чтобы позвонить своему родственнику, вам нужно просто надеть «ИваДзару» на шею и подумать о том, что вы хотите сказать.

Основатель демонстративно надевает тонкую цепочку с чипом на шею и прижимает к коже. Очень быстро синий квадрат становится телесного цвета и пропадает из виду.

– Никаких телефонов. Никаких разговоров. Только мысли.

К горлу Льва подступают все невысказанные слова.

– И мы заранее отправили предзаказы во все страны-импортеры. Необходимые обновления уже произведены, поэтому «ИваДзару» не потребует тестового периода, чтобы приспособиться к городским системам. Пройдемте в зал с экземплярами для вас.

Лев не помнит, как оказывается в светлом помещении со стендами. Но хорошо запоминает холодное прикосновение цепочки «ивы».

– Попробуйте что-нибудь подумать, – предлагает ему сам основатель.

Ноги Льва дрожат не из-за того, что безмятный – политика компании – творец стоит напротив, а потому, что у него не получается думать.

– Давайте попробуем связаться с нашим офисом у вас. Это будет... Ах вот, устройство номер пятьсот шесть.

В голове всплывает:

«Пожар».

«Ваше сообщение не доставлено».

«Пожар».

«Прием сообщения заблокирован получателем.

Попробуйте позже».

«Пожар».

«Ваше сообщение не доставлено. Приносим извинения за временные неудобства».

«Пожар».

